

Конспект Вячеслава Иванова к лекции Андрея Белого из цикла «Теория художественного слова»¹

Среди современников и в большинстве исследований долгое время сохранялось устойчивое мнение² о том, что после революции 1917 года отношения двух поэтов, бывших друзей по оккультно-мистическим увлечениям, окончательно прервались. Источником же конфликта между Андреем Белым и Вячеславом Ивановым послужила опубликованная в 1922 году в Берлине брошюра «Сирин ученого варварства»³. Однако знакомство с архивными источниками позволяет нам говорить о достаточно интенсивном творческом взаимодействии, хотя документальных свидетельств их непосредственного общения в послереволюционный период крайне мало. Тем не менее, сохранившиеся факты свидетельствуют о том, что это общение простиралось далеко за пределы только лишь формальных встреч. В воспоминаниях дочери В.И.Иванова – Лидии Вячеславовны Ивановой раскрывается сторона именно близкого дружества с Белым: *«Диме⁴ тоже запомнился силуэт Белого, но уже в Москве, на Zubovском бульваре, в семнадцатом году, когда ему было лет пять. Диме было весело смотреть на длинного танцующего друга «Царя Барана» (так он мифологически прозвал своего отца), который решил учить его азбуке. Широко раздвинув ноги и подбоченясь, Белый очень явственно мимировал букву «Ф», а потом соответственным движением длинных рук букву «У»»⁵*

¹ Опубликовано в: Русская литература, 2006, N 3.

² West James. Russian Symbolists: A Study of Vyacheslav Ivanov and the Russian Symbolist Aesthetic. London, 1970; Maslenikov Oleg. The Frenzied Poets: Andrey Biely and the Russian Symbolists. Berkeley, 1952; Stepun Fedor. Mystische Weltschau: Funf Gestalten des russischen Symbolismus. Munich, 1964; Мочульский К. Андрей Белый. Париж, 1955. Статья Henrich Stammeler 'Belyj's conflict with Vjaceslav Ivanov over War and Revolution'// SEEJ, 18/3, 1974. основывалась на незнании даты первой публикации статей Белого, на эту ошибку указал Roger Keys в работе: Realists and idealists: the case of Viacheslav Ivanov versus Andrei Belyi// Slavonica. V.1. 1994/95/ N 2, p. 19.

³ Андрей Белый. Сирин ученого варварства. Берлин, 1922. В книгу вошли статьи о Вячеславе Иванове, ранее опубликованные в: А. Белый. На перевале. 1. Сирин ученого варварства, гл. I-VI/ Знамя труда, №163, 26/13 марта, 1918 ; А. Белый. На перевале. 2. Сирин ученого варварства (По поводу книги В. Иванова «Родное и вселенское»), гл. VII-X / Знамя труда, № 170, 3 апреля/ 21 марта, 1918. Первая часть газетной статьи – сильно сокращенный вариант, напечатанной в издании Венгерова главы «Вячеслав Иванов» (Русская литература XX века. 1890-1910. Т. III. Кн.8. М., 1916. С. 114-149. - 8-я книга была издана в 1918 г.). Второй статьей Белый отреагировал на только что вышедший сб. «Родное и вселенское» (благодарю Г. Обатнина за уточнение даты выхода книги Иванова). Статью «Вячеслав Иванов» из «Русской литературы» Белый перепечатал целиком в своей книге, также вышедшей в 1922 г.: Поэзия слова. О смысле познания. Пб.: Эпоха, 1922.

⁴ Т. е. Дмитрию Вячеславовичу Иванову, сыну В.Иванова и Веры Ивановой-Шварсалон. Дмитрия Белый упоминал в записке, переданной с Маргаритой Волошиной в августе 1912 г.: «Вере Константиновне и всем Вашим привет; хотел бы видеть Вашего ребенка; поцелуй его за меня.» (Ф. 25. К.30. Ед.5.Л. 59)

⁵ Иванова Лидия. Воспоминания: Книга об отце./ Подгот. текста и коммент. Дж. Мальмстада. М.:РИК «Культура», 1992. С. 35.

Упомянутая встреча относится вероятнее всего к 1917 г., когда Иванов перемещается из Сочи⁶ в Москву⁷. В конце декабря 1917 г. М. Гершензон приглашал Белого принять участие в благотворительном литературном вечере, средства от которого должны были поступить в помощь нуждавшемуся В.Ф. Ходасевичу; среди участников Гершензон упоминал и Вяч. Иванова.⁸

Следующий, 1918 год отмечен гораздо более интенсивным общением: Белый закончил статью о Вячеславе для «Русской литературы» Венгерова⁹; причем, судя по сохранившимся черновикам, Иванов был включен им в сферу собственных размышлений о «духовном пути» трех поэтов (Белого, Иванова, Блока); его оценка творческого и мистического пути Иванова была далекой от его собственных представлений о поэте-посвященном.¹⁰ Однако в тетрадях Иванова, содержащих черновики эпилога к поэме «Человек» (начало 1918 г.), есть рисунок Белого, по всей видимости, воспроизводящий его антропософскую интерпретацию поэмы.¹¹

В августе-сентябре 1918 г. он пишет Вячеславу письмо с просьбой дать «стихи, выросшие у поэтов «из революции» для альманаха «Змий»¹². Осенью того же года они принимали участие в Театральном отделе Наркомпроса¹³.

Участие в совместных общественно-культурных предприятиях нового правительства, в сущности, обозначило не только новый этап во взаимоотношениях двух поэтов, но и было важным посылом к сопряжению обоюдных интересов символистской эпохи в совершенно ином ключе. Рубеж 1910-х гг. обычно рассматривается как период кризиса символизма, характеризующегося все более усложненной системой метаописаний, тогда как начало 1920-х гг. ознаменовалось возвращением к проблематике собственного

---

⁶ Иванов с семьей проживал в Сочи с конца 1916 и до ноября 1917 г.

⁷ Если судить по датировке стихотворений, которые вошли в сб. «Свет вечерний», то 7-8 ноября 1917 г. Иванов был еще в Сочи («Ночные зовы»), а 9 ноября того же года в Москве было написано стих. «Размолвка». (Иванов Вяч. Собр. Соч., т. III).

⁸ Письмо от 21 декабря 1917 г. Ф 25. К. 14. Ед. 3. Л. 13.

⁹ Ср. в письмах Белого к Венгеру – о том, как Белый работал над статьей: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. Иванов не мог не знать о том, что Белый писал о нем статью, поскольку и сам принимал участие в Венгеровском издании.

¹⁰ См. об этом сюжете: Глухова Е.В. Андрей Белый – Вячеслав Иванов: концепция духовного пути// Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006. – в печати.

¹¹ О.А. Кузнецова. Материалы к описанию тетрадей стихотворных автографов из римского архива Вяч. Иванова.// Русский модернизм: проблемы текстологии. СПб, 2001. С. 232-254. Также: доклад А.Б. Шишкина: «Чаша-купол» Андрея Белого в блокноте Вячеслава Иванова// «Андрей Белый в изменяющемся мире»: Межд. научн. конф. (26 октября – 1 ноября 2005 г.)

¹² Издание альманаха не осуществилось. Письмо с аналогичной просьбой было послано Блоку 31 августа 1918 г. и к Иванову-Разумнику - 23 сентября 1918 г. Ср.: Александр Блок – Андрей Белый: Переписка/ Вступ. ст. и коммент. А.В. Лаврова. М., 2001. С. 516; Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вст. ст., коммент. А.В. Лаврова, Дж. Мальмстада. – СПб; 1998. С. 165.

¹³ Зубарев Л.Д. Вячеслав Иванов в театральном отделе Наркомпроса // Рус. филология. - Тарту, 1997. - № 8; Зубарев Л.Д. Вячеслав Иванов и театральная реформа первых послереволюционных лет // Начало. - М., 1998. - Вып. 4. Тема «Вячеслав Иванов в ТЕО Наркомпроса» - все еще мало разработана, в архивах хранится довольно большой объем материала, касающийся данной проблематики. О возможном сотрудничестве Иванова в издании «Временник Театрального Отдела Народного Комиссариата по Просвещению» также см.: Обатнин Г. В. Заметки комментатора// НЛО. Вячеслав Иванов: материалы и публикации. - М., 1994. - № 10.

раннего творчества: такой точкой «возврата» становится отношение к поэтическому слову/образу (символу - в период 1900-х гг.).¹⁴ Этап послереволюционного брожения выявил еще один, не менее важный аспект такого взаимодействия: обращение к теории литературы, в особенности на фоне возникавшего нового направления в литературоведении – формализма - отчасти как противопоставление, отчасти как сопряжение.¹⁵ Не случайно в лекционном курсе Вяч. Иванова по поэтике, прочитанного в Бакинском университете в 1921-22 гг., исследователи выявляют следы скрытой полемики с формалистами.¹⁶

По всей видимости, нужно обозначить и проблему: «Андрей Белый - критик формального метода»; судя по всему, его фундаментальные разработки в области поэтики,¹⁷ предпринятые после возвращения из Дорнаха, во многом отталкивались от первого выпуска «Поэтики» ОПОЯЗа.¹⁸ Именно со статьи-рецензии на третий том лирики Александра Блока – «Поэзия А. Блока» Белый начинает разрабатывать собственный метод анализа поэтического текста,¹⁹ этот метод был отличен от формального, и приближался скорее к психологической теории творчества Потебни.²⁰ К сожалению, мы можем говорить лишь о

---

¹⁴ Ср. отклик Вяч. Иванова на работы Белого в области поэтики: «Символизм, в лице Андрея Белого, остается во всяком случае верным себе, утверждая органическую неразделенность формы и содержания с одной стороны, художественного совершенствования и духовного возрастания – с другой.» (Вяч. Иванов. Собр. Соч. Т. 4. С. 635)

¹⁵ Обатнин Г.В., Постоутенко К. Ю. Вячеслав Иванов и формальный метод : (Материалы к теме) // Рус. Лит. - Л., 1992. - N 1. - С. 180-187. См. также: Геннадий Обатнин. Несколько положений (о поэзии Вячеслава Иванова) // Лотмановский сб. Вып 3. М., 2004.

¹⁶ Эткинд Ефим. Вячеслав Иванов и вопросы поэтики: 1920-е годы // Cahiers du Monde russe, XXXV (1-2), janvier-juin 1994, pp. 141-154. Также о Бакинском курсе лекций Иванова по поэтике: Белькинд Е.Л. Теория и психология творчества в неопубликованном курсе лекций Вяч. Иванова в Бакинском Гос. университете (1921-1922 гг.) // Психология процессов художественного творчества. Л., 1980. Что касается самих формалистов – В.Шкловского, Б. Эйхенбаума, то они достаточно декларативно отмежевывались от «ненаучности» разысканий теоретиков символизма – Иванова, Белого и отчасти Брюсова, признавая их безусловно важную роль в формулировании многих положений стиховедческих дисциплин.

¹⁷ Которые, впрочем, до сих пор не сведены в единое концептуальное целое. Сам Белый объединил некоторые аспекты своей работы 1916-1920 гг. в поздних книгах: «Мастерство Гоголя» (Исследование / [Вступ. ст. Л.Каменева]. — М.; Л.:ОГИЗ, 1934.) и «Ритм как диалектика и «Медный всадник» (Исследование / [Предисл. авт.]. — М.: Федерация, 1929.)

¹⁸ В лекции «Жезл Аарона», по сравнению с конечным вариантом статьи, есть явные следы полемики с футуризмом: «логику следует углубить представленье о Логосе, до представленье о Логосе (Имя рек), футуристу следует углубить свое представленье о звуке слова до подлинных глубин корня звука, растущего из духовного опыта, где этот корень есть внутренне произносимое имя, чтобы и логик и футурист встретились в новом взгляде на сущность поэзии, которая есть [молитва живому, бессмертному божеству] умное созидание себя в божественной жизни.» (ОР РГБ. Ф. 25. к. 3. Ед. хр. 9. ЛЛ. 1-38.). Можно предположить, что и его дальнейшие разработки в области глоссологической семантики поэтического слова (Глоссология: Поэма о звуке / [Предисл.] и рис. в тексте авт. — Берлин: Эпоха, 1922.) выросли во многом как со-противопоставление работе Шкловского «О поэзии и заумном языке» и О. Брика «О звуковых повторах» (напомним, что «Глоссология» была написана в августе-октябре 1917 г.).

¹⁹ Аналогичная методика стиховедческого анализа представлена в работах: «Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы» (лекция на эту тему была прочитана Белым в 1912 г. в Обществе Ревнителее Художественного слова (Петербург) – «Поэзия стихии у Пушкина, Тютчева, Баратынского»), «Жезл Аарона», а также в «Воспоминаниях о Блоке».

²⁰ О значении потебнианской концепции слова-образа в творчестве Вяч. Иванова и А.Белого см. например: Белькинд Е. А. Белый и А. А. Потебня: к постановке вопроса // Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX век» / Тарт. ун-т. Тарту, 1975.

реконструкции метода, - в своих разговорах с М.С. Альтманом, Иванов, оценивая творческое наследие Андрея Белого, говорил, что это «колоссальнейший ум, необычайный диалектик, с огромными познаниями и, как личность, пожалуй, более сложное явление, чем даже Ницше. <...> И он имеет еще несчастное свойство – все, что говорит и пишет, сейчас же и печатать. А это великое зло: читатели воспринимают эти мнения, как нечто объективное, отстоявшееся <...>»²¹

Новейшие исследования, дают нам право предположить некий общий полюс соприкосновения тех исканий в области теоретической поэтики, которые велись Белым и Ивановым в 1916-1920-е гг.: это теория образа, ритмические структуры поэтического текста, звуковой состав стиха (аллитерации, ассонансы); Иванов также обращался к исторической поэтике; Белого больше интересовали психологические теории слова-образа (причем мы не можем не учитывать и специфический, антропософский (и, шире – оккультно-мистический) ракурс, явственно вырисовывающийся в работах и того и другого).

Встречи на заседаниях театральной секции Наркомпроса в какой-то мере отражены в архиве Белого, которому было поручено составить проект лекционных курсов для Театрального Университета²², из записей видно, что после состоялись прения, которые кратко были зафиксированы Белым; в частности, выступал А.Я. Таиров с докладом о специальных театральных курсах с подробным распределением их по семестрам. На обороте листа - по всей видимости, текст пояснительного доклада к проекту «Театрального университета», имеются наброски к систематизации театральных курсов (судя по почерку, поспешному и небрежному, записи эти сделаны были после обсуждения текста доклада). Рядом с распределением отделов университета: «а) студийный в) учебный с) просветительный» - теми же чернилами запись (возможных лекторов?) - среди участников дважды упомянут Вячеслав Иванов: как «Иванов» и «В.И. Иванов», там же и М.В. Сабашникова. Упоминание Вячеслава Иванова без сомнения важно, так как вероятно с его слов были внесены поправки в состав предполагаемого лекционного расписания. Мы приводим здесь только ту часть документа, которая представляет интерес как свидетельство сотрудничества Иванова и Белого в работе над проектом университета:

«отдел I <...>

8) мифология и обрядоведение

9) введение в историю театра

10) теория мусикийских <искусств?>²³

С. 160 — 164; Ghidini M.C. The notion of inner form in Viacheslav Ivanov's thought// Cahiers du Monde russe, XXXV (1-2), janvier-juin 1994; *Какинума Н.* «Звуковой символизм» А.Белого и теория происхождения языка А.А. Потебни // *Голоса молодых ученых. Сборник научных публикаций иностранных и российских аспирантов-филологов.* М., 1998. Вып. 3. С. 81-98. Кустова Г.И. Языковые проекты Вячеслава Иванова и Андрея Белого: философия языка и магия слова// Вячеслав Иванов: Архивные материалы и исследования. М., 1999.

²¹ Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым/ Сост., подг. текста, ст. и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: ИНА пресс, 1995. С. 25-26.

²² Список общих курсов - РО РГБ. Ф. 25. К. 31. Ед. хр. 15/ 1-5. Л. 1 об. Материалы по работе А.Белого в ТЕО Наркомпроса (1918-19 гг.) Там же – л. 7 об.

²³ Эти три пункта добавлены карандашом. Здесь и далее в квадратных скобках восстановлено зачеркивание в тексте, в угловых скобках – расшифровывается сокращение слов в оригинале.

II отдел <...> 1) история эстетических учений

2) история поэзии

3) теория поэзии

4) [стихovedение и прозоведение] теория художественного

слова

5) история музыки

6) история танца

7) история [живописи] изобразит.<ельных> искусств

8) история архитектуры

III отдел <...> 1) история зрелищ и действ (народные действия, дионисич.<еские> культы, мистерии и т.д.)»

В этих записях впервые возникает тема лекций о «Теории художественного слова», которая будет прочитана Белым в Пролеткульте весной 1919 г.

Последние пункты первого отдела были добавлены позднее, тем же карандашом, что и записи после наброска к тексту доклада, видимо, по предложению Иванова. Как нам кажется, вписанные во второй отдел курсы по «истории и теории поэзии» находят подтверждение в архиве Вяч. Иванова (РО РГБ), где хранится машинописный текст краткой программы лекций: «Основы поэтики в связи с теорией сценических искусств».²⁴ В программе обозначены два основных раздела: «Историческая часть» и «Теоретическая часть». Вторая часть интересна тем, что в отделе по теоретической поэтике Иванов уделял особенно пристальное внимание вопросам ритмической организации поэтического текста и теории образа: «Ритм во времени как общий принцип музыкальных искусств. Ритмичность поэтического языка. Стопа, колон, стих, ритмический период, строфизм. Эвфония. Поэтический образ.»²⁵ Достоверно известно, что в Наркомпросе Иванов неоднократно выступал по проблемам «синкретического действия», в том числе в РО РГБ хранится часть машинописи, зафиксировавшей его доклад на заседании Бюро художественных коммун (датировано 7 августа, 7 ч. вечера [1918-19?]).²⁶ В данном документе отчасти разворачиваются некоторые из тезисов проспекта «исторической части» «Основ поэтики...»: «Синкретическое искусство. <...> Плакальщицы и пророчицы. <...> Гомеровская община»,²⁷ - однако цели, которые преследовались в выступлении, без сомнения были иными, но поражает тот факт, что затронутые Ивановым вопросы были вынесены для всеобщего обсуждения, например, проблема синкретического искусства как искусства в основе своей религиозного.

Именно с 1917 года, одним из ключевых аспектов концепции художественного слова у Белого становится проблема соотношения образа, а

²⁴ РО РГБ. Ф. 109.5. 56. Л. 1. Подобный же текст, только рукописного характера, хранится в РНБ, был опубликован Геннадием Обатниным в статье: Несколько положений (о поэзии Вячеслава Иванова)... С.389-390. Хотелось бы обратить внимание на то, что наличие машинописного варианта текста, может подтвердить нашу догадку о том, что мы имеем дело с проспектом курса лекций по поэтике, разработанный Ивановым для слушателей Театрального Университета.

²⁵ Цитируем по машинописному источнику в ОР РГБ, т.к. есть незначительные разночтения с текстом, опубликованным Геннадием Обатниным.

²⁶ РО РГБ. Ф. 109. 5. 54 и РО РГБ . Ф. 109. 5. 9.

²⁷ Обатнин Г. Несколько положений (о поэзии Вячеслава Иванова)... С.389.

точнее - звукообраза и «ритмического жеста» в поэтическом тексте²⁸ (Белый разрабатывал свою теорию, основываясь, в том числе, на эвритмии Р. Штайнера)²⁹. Из многочисленных записей Андрея Белого, носящих автобиографический характер³⁰, мы можем почерпнуть сведения о том, что в 1917-1920 -е годы им было прочитано множество лекций: их тематический диапазон простирался от психологии творчества до размышления о путях развития мировой культуры. К сожалению, мы можем говорить лишь о реконструкции замысла теории художественного слова, опираясь на свидетельства самого Белого, отчасти - программки или афиши его выступлений (где, как правило, предлагались краткие тезисы выступления); архивные фонды содержат лишь небольшую часть сохранившихся конспектов или планов лекций, которые были им прочитаны.³¹

После возвращения из Дорнаха в 1916 г. Андрей Белый переосмысливает свои прежние взгляд на природу символического творчества, теперь символизм видится ему сквозь призму антропософского пути самопознания. Его теургическая теория поэтического слова, сформулированная в ряде статей 1900-х гг., в том числе «Магия слов», при ближайшем рассмотрении во многом опиралась на достижения филологической науки конца XIX в. - Потебня, Афанасьев, Веселовский, но обращалась и к оккультному знанию: Станислас де Гюзйта, Фабр д'Оливье, Е.П. Блаватская.³²

Лекцию Белого «Жезл Аарона», прочитанную в Петербурге в феврале 1917 г., а затем переработанную в одноименную статью³³, следует рассматривать как важный шаг на пути формирования теории художественного слова. В этой работе Белый, пожалуй впервые вычленяет уровни анализа поэтического текста в соотношении с художественным словом-образом: звук-ритм-образ (в ином варианте с аналогичным соответствием это: звук-слово-мысль или звук-смысл-образ). Соответственно на всех уровнях стихотворного текста: фонетическом, морфологическом, лексическом, образно-метафорическом наблюдается стремление к предельному выражению смысла. Одновременно он разрабатывает теорию ритма – ритмического жеста. Смысл, с его точки зрения, наиболее выразим в ритмическом жесте – каждое стихотворения имеет ритмический жест – речь идет не только ритмо-метрических кривых, но и об

---

²⁸ По свидетельству самого Белого, в 1917 г. Им были прочитаны следующие рефераты, касающиеся проблематики ритмического жеста: «О ритмическом жесте» в Московском Антропософском Обществе и в Пушкинском кружке при Петербургском Университете. В 1918 г. в Пролеткульте Белый читал курс лекций по стиховедению, в котором также разбиралась проблема ритма: «О ритмическом жесте», «Фигура ритма», «Сравнительная анатомия ритма» (Ф. 25. К. 31. Ед.Хр. 8. Список рефератов и лекций, читанных мною с 1902 года по 1918-ый).

²⁹ *Beyer Th. Andrej Belyj's Glossalolija: A Berlin Glossolalia // Europa Orientalis, XIV, 2. 1995.*

³⁰ Большинство которых все еще не обнародовано, а хранится в архивных фондах.

³¹ Хотелось бы обозначить в связи лекционными курсами Андрея Белого достаточно важную проблему: отсутствие конспективных записей, которые, несомненно, должны были вестись слушателями.

³² В этом смысле наибольший интерес представляют собой подробнейшие примечания Белого к книге «Символизм», в которых встречаются указания на библиографические источники, что, безусловно, важно для понимания того, какую эволюцию проделывает та или иная идея в творчестве Белого.

³³ Белый Андрей. Жезл Аарона (О слове в поэзии)// Скифы. Сб. 1. - Пг., 1917.

опыте гармонического соответствия видимых и слышимых образов, возникающих при чтении стихотворения.³⁴

Иванов, который откликнулся на эту работу Белого позднее, указывал, что понимание данного текста доступно слишком узкой аудитории читателей: *«Автор доводит нас до грани, за которой начинается «герметизм» статьи, в собственном смысле мистической доктрины. Эти намеки понятны читателю лишь в меру созвучности его внутреннего опыта с сокровенным мироощущением автора»*³⁵ Понятно, что читателем, прекрасно понимавшим антропософский и стиховедческий полет мысли Белого, и был Вячеслав Иванов. Однако понимание такого рода имело своим источником очевидно устные беседы и посещение лекций Белого - и только на первый взгляд последний аспект интеллектуального взаимодействия кажется маловероятным. В данной работе мне бы хотелось наметить лишь некоторые точки соприкосновения, причем те, которые подтверждаются документально.

В фонде Вячеслава Иванова (РО РГБ) хранится документ, обозначенный в архивном хранении: «К теории художественного слова».³⁶ Записи эти практически полностью воспроизводят ход мыслей в лекции Андрея Белого, прочитанной в Пролеткульте весной (февраль-апрель) 1919 года.³⁷ К сожалению, сохранились подготовительные материалы, сделанный Белым только к одной лекции, тогда как, судя по более поздним записям «Себе на память», последовательность лекционного курса была следующей: *«Теория слова 404) февраль (Чем она должна быть); 405) февраль (Логические теории); 406) февраль (Лингвистические теории); 407) март (Психологические теории); 408) март (Творчество речи); 409) март (Миф слова); 410) (Опыт описания стихотворенья); 411) апрель (Опыт описания); 412) апрель (Средства изобразительности)»*³⁸. К рукописным материалам к лекции Белым была приложена бумага, поясняющая происхождение записей: *«Конспект 5-й лекции курса, мною читанного в «Пролет. Культе» в 1918-1919 годах («Теория Художественного слова»).*

*После я по просьбе студийцев забрасывал <Так! – ЕГ> резюме хода мыслей лекций в виду намерения студийцев литографировать курс.»*³⁹

Конспекты пропали; конспект 5-й лекции случайно остался у меня.

*А. Белый.»*⁴⁰

---

³⁴ Там же.

³⁵ В первой публ.: Иванов Вяч. О новейших теоретических исканиях в области художественного слова // Научные известия. Академический центр Наркомпроса. Вып. 2. М., 1922.

³⁶ РО РГБ Ф. 109. 5. 78. Это листок бумаги в формат тетрадного листа, на котором сохранились следы сложения вчетверо. Записи сделаны рукой Вячеслава Иванова с двух сторон, в две колонки с каждой стороны листа, в данной публикации вытянуты в линейной последовательности, соответственно сверху вниз от левой колонки - к правой, то же самое - с другой стороны листа. Записи велись карандашом, что значительно затрудняет прочтение, кроме того, почерк оригинала значительно мельче обычного.

³⁷ Текст лекции хранится: РГАЛИ, Ф. 53. Оп. 1, Ед. 87. Архивная нумерация: Л. 1-12. В правом верхнем углу рукописи есть авторская нумерация: Л. 23-33.

³⁸ Цит по: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вст. ст., коммент. А.В. Лаврова, Дж. Мальмстада. – СПб; 1998. С. 175.

³⁹ К сожалению, на сегодняшний день у нас нет свидетельств об осуществлении проекта литографирования курса лекций А. Белого.

Вероятность того, что Иванов мог присутствовать на одной из лекций цикла «Теория художественного слова» достаточно высока: например, в записях «Ракурса к дневнику» за весну 1919 г. Белый отмечал, что много общается с Гершензоном и Ивановым.⁴¹ Записи Иванова и конспект Белого параллельны в тех местах, которые наиболее информативно насыщены обычной фактографией в области теорий психологии творчества.⁴² Соответствия эти, например, таковы:

Вяч. Иванов	Андрей Белый
	<p>История психологических воззрений рисует такую эволюцию вопроса: 1) в древности, в психологии греков «душа», т.е. некоторое единство переживаний внутри нас признавалась не только независимой от внешнего мира природы, но и ее создавшей: все, что ни есть, признавалось «демонами, богами, душами». Впоследствии развилось учение Аристотеля о 3-х душах⁴³, в нас обитающих и передалось через Августина средним векам 2) в начале новой философии душа полагалась центром сознания, а этот центр полагался в мысли: «Я мыслю, следовательно я существую» - этот девиз Декарта стал девизом новой философии; психология в этот период стала главным образом философией сознания; так [образовалась вера в так] создалась так</p>

⁴⁰ Судя по записям «Себе на память», в 5-й лекции курса Белый рассматривал «творчество речи», но в сохранившемся конспекте речь идет скорее о «психологических теориях», поэтому, если не считать вступительной лекции (которая Белым не обозначена) – это конспект 4-й лекции.

⁴¹ Пользуясь случаем, мне хотелось бы поблагодарить Николая Всеволодовича Котрелева за любезно предоставленные сведения об этой записи.

⁴² Публикация всего конспекта Иванова и лекции Белого – дело выходящее за рамки данной публикации, в будущем имеет смысл обнародование целого корпуса документов, раскрывающих работу и того и другого автора в области теории литературы.

⁴³ Аристотель. О душе. Аристотель вычленил три части души: ощущающая (или животная), питательная (или растительная), разумная (или человеческая).

Кант ● НЕВОЗМОЖНОСТЬ рац<иональной> ПСИХОЛОГИИ	называемая <i>рациональная психология</i> , т.е. психология, полагавшая центром своего метода мысль, не нуждающуюся в опыте. Кант доказал ненаучность такой психологии.
---	---

Конспект, выполненный Ивановым, дает определенное представление о том, как Белый читал свои лекции. Последующее конспектирование не столь буквально, как в первом приводимом отрывке, - это наводит на мысль о том, что Белый, скорее всего, читал только начало своих записей, далее устно развивая ход мысли.

Следующая схема воспроизводит концепцию звукообраза Потебни, как она изложена Белым в его работе «Мысль и язык», но более всего напоминает реферат об этой книге, выполненный им же в 1911 г. - ср.: *«Потебня устанавливает поразительное сходство между происхождением и зависимостью слов и происхождением и зависимостью мифических образов народного творчества; <...> все многообразие его трудов <...> «Записок по русской грамматике» клонится к установлению аналогии между словом и мифом. Две величины: одна — творческая энергия речи; другая — поэтическая энергия народов, выражающаяся в фигурах и тропах речи. Из произведений первой энергии рождается слово, осознаваемое, как мысль; из произведений второй энергии рождается поэтический миф, осознаваемый, как мирозерцание <...>».*⁴⁴

Вяч. Иванов	Андрей Белый
<p style="text-align: center;"><?.></p>	<p>Ученый должен уметь точно описывать, наблюдать, строить опыт; художник должен уметь заново создавать самый опытный материал; здесь опытным материалом является: восстание новых слов, в новых образах, новых значений из первичной глубины подсознания где образы, звуки и смыслы суть <i>образо-звуко-смыслы</i>; ставятся, стало быть, почти невероятные требования к</p>

⁴⁴ Белый Андрей. Мысль и язык (Философия языка А.А. Потебни)// Логос. Ежегодник по философии культуры. Кн. II. М.: Мусагет, 1910.

<p>смыслозвукобраз</p> <p>Миф</p> <p>Мысль</p> <p>Термин</p> <p>ф звук</p> <p>и</p> <p>г</p> <p>у слово</p> <p>р</p> <p>ы</p> <p>речи</p>	<p>самому теоретику: он должен научным сознанием в себе самом проникнуть свое собственное подсознание, т.е. уметь передвигать в себе самом границы сознания, или – пронизать сознанием свое собственное вдохновение; в момент вдохновения научной трезвости и самообладания; так может теоретик создать условие опыта образования собственного своего языка в себе.</p>
---	---

Справедливости ради следует напомнить, что теория звукообраза Белого (смыслозвукобраз) была одним из существенных пунктов расхождения между ним и формалистами. Не так давно была опубликована запись прений на заседании кружка Иванова-Разумника “Русская литература XX века” (24 июня 1920 г.), где обсуждался формальный метод в литературоведении. Белый в своем выступлении, примиряя основной объект спора - соотношение формы и содержания в художественном тексте, сказал: *«Когда мы берем произведение искусства как живую цельность <...>. Мы устанавливаем соответствие между образом и его временным выражением. Каждое художественное произведение выносит стадию личинную, из кот<орой> выходит звуковая метафора, потом миф. Из мифа как зерна вырастает в одну сторону звукообраз, в другую — сюжет с заключенным в нем содержанием. Когда мы рассматриваем форму и содержание не как ставшее, а как нечто динамическое, то можем установить некое единство, где обе проблемы пересекаются.»*⁴⁵

Конспект Иванова позволяет нам поставить вопрос о формировании в позднесимволистской эстетике теории образа, принципиально отличной от формалистского. Статья Вяч. Иванова «К проблеме звукообраза у Пушкина» (1925 г.), в которой прослеживаются следы полемической критики формалистов, во многом соотносима с теми же аспектами художественного образа, как их разрабатывал Белый в «Жезле Аарона» (а также в последующих лекциях). Иванов указывал на то, что в методологии формализма есть угроза перерождения исторической и теоретической поэтики в эмпирическую⁴⁶: *«...самая тщательная и остроумная разработка словесного материала <...>, достаточного для освещения лишь одних частных явлений в жизни слова, при отсутствии философского анализа их, так и исторической перспективы, не*

⁴⁵ «Беседа о формальном методе» в петроградской Вольной философской ассоциации 10 декабря 1922 года /Публ., вст. заметка и комм. В. Г. Белоуса// Звезда, 2004, № 8.

⁴⁶ Эткинд Ефим. Вячеслав Иванов и вопросы поэтики: 1920-е годы... р. 150.

оправдывает притязания заложить основы новой, «научной»; точнее – «эмпирической» поэтики». ⁴⁷ Белый, вступая в спор с формалистами, указывал, что при анализе художественного произведения нельзя не учитывать сам процесс рождения художественного образа, процесс творчества как таковой – это часть целостного авторского мира: «Художественное произведение без процесса творчества рассматриваться не может. <...> Анализ разрезает живую действительность. Душевный процесс художника ищет выраженья, он болеет желаньем высказаться. И отрезать прием от того, что его породило, грех против живой литературы.» ⁴⁸

Далее конспект Иванова совсем не совпадает с записями к лекции Белого, и представляет вполне самостоятельный интерес. Впрочем, некоторые части можно было бы объяснить, сравнив их с другими работами Белого. Например, следующая схема представляет собой некое синкретическое объединение мистико-окультистического ряда (Дух-Душа-Тело), научного ряда (логика-психология-лингвистика), а вот последние примеры могут быть сопоставлены с теми, которые приводятся Потебней в качестве иллюстрации забвения внутренней формы слова: «Чувственный образ звука, цвета есть сам в себе противоречие <...>. Названия некоторых цветов еще и теперь явственно указывают на чувственные образы <...>: как голубой есть цвет голубя <...>.» ⁴⁹ Интересно, что тот же самый пример Белый использовал в своей лекции «О художественном языке» ⁵⁰: «<...> слово становится стертым; стирается образ: понятие заменяет его; всюду видим мы красочность, образность, сочность народного крепкого слова, – и видим, как образность эта в разгонах столетий тускнеет и блекнет; сперва потухает звук слова и рдр – рудый, рдяный становятся знаком абстрактным для выражения образа «красный»; и далее образ-метафора «как у голубя» гаснет – становится прилагательным голубой для выражения такого-то спектрального цвета; за образом гаснет значение слова, как чего-то конкретного, и выявляется термин, абстракция <...>» ⁵¹.

Дух	Душа	Тело
Логика	Психол.[огия]	лингв.[истика]
<u>Теор.[ия]</u>	<u>Худож.[ественного]</u>	<u>слова</u>
форма	процесс	<предикат?>
голубь	как у голубя	голубой

Следующая схема, возможно, представляет процесс рождения слова в художественном произведении (?), однако, объяснить обозначенные стрелкой

⁴⁷ Иванов Вяч. IV. С. 646.

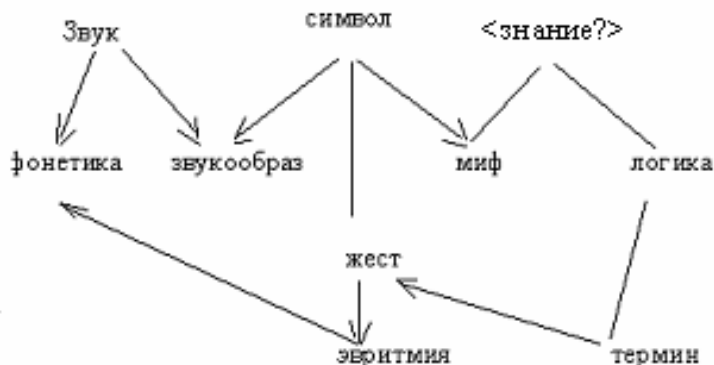
⁴⁸ «Беседа о формальном методе»... С.

⁴⁹ Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: СИНТО, 1993. С.46

⁵⁰ По предположению А. В Лаврова – Белый выступал с этим докладом на своем вечере в Доме искусств 1 марта 1920 г. Ежегодник Пушкин. Дома на 1978. с.47-51

⁵¹ Там же.

последовательности, следуя логике известных нам работ Белого в данной области, не представляется возможным. Кроме того, эта схема напоминает и его «онтологическую пирамиду» (Символизм. М., 1910), представлявшую, согласно Белому, многоаспектность символа.

Приводим данную схему в качестве иллюстрации того факта, что Иванова, должно быть, заинтересовала теория звукообраза, в том виде, как ее представил Белый.⁵² Нам также кажется уместным привести здесь отрывок конспективного характера, (из архива Вяч. Иванова, РО РГБ)⁵³, который устанавливает определенную связь между интересом Иванова к разработкам Белого в области глоссолалической семантики словесного творчества и антропософскими экспериментами со звуком (эвритмией):

Вкусные восприятия связаны с <?.>

<Сложное?.> восприятие слова

«леса» вм. «есто» «если»: <?.> <«лесех»>, в <?.> «еси»

<?.>

Подходящие слова, напр. <имер> звукоподражательность

Steiner

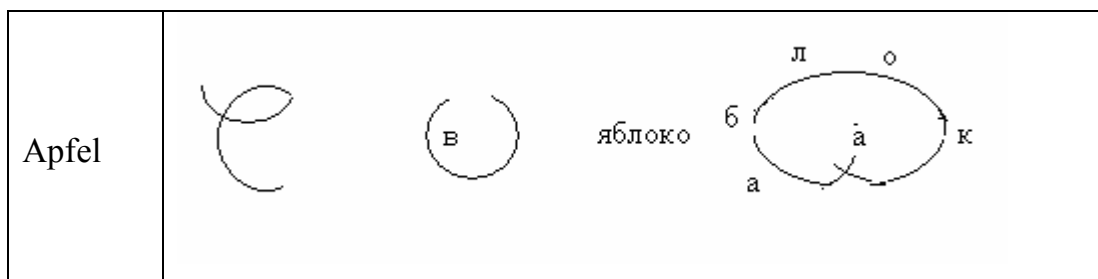
«Вкусные» слова - <протяжно?.> произносятся

< а ощущаем внутри, внизу>

губн. <ые>, зубн. <ые> - верхн<ие>

⁵² О формировании теории звукообраза у Вячеслава Иванова см.: Эткинд Ефим. Вячеслав Иванов и вопросы поэтики: 1920-е годы// Cahiers du Monde russe, XXXV (1-2), janvier-juin 1994.; Gidini M.C. Звук и смысл. Некоторые замечания по теме глоссолалии у Вяч. Иванова// Вяч. Иванов и его время. Материалы VII Международного симпозиума. Вена, 1998; Титаренко С.Д. Суггестивная природа звукообразов А.С. Пушкина и мистериальное начало в поэтике символизма//Пушкин и Калиостро. Внушение в искусстве и жизни человека СПб., 2004; Титаренко С.Д. Автоматическое письмо у Владимира Соловьева и Вячеслава Иванова: опыт создания символистского глоссолалического текста// Труды русской антропологической школы. Вып. 4. М., 2006. – в печати.

⁵³ ОР РГБ. Ф. 109. 4. 55. Текст в очень плохом состоянии: бумага сильно деформирована, записи сделаны фиолетовым карандашом, полустерты.

Вполне возможно, что Иванов мог быть знаком с существовавшим тогда в рукописи трактатом Белого о звуке – «Глоссолалия». ⁵⁴ В понимании Белого принципиально важно было представление о том, что образ является поэту и реализуется в виде метафоры, дробится в ритме и звуке стихотворного текста, а затем переходит на иную ступень восприятия, где звук, являясь уже неделимой единицей, собираем на уровне ритмической организации дробящихся во множественности чувственных образов и впечатлений; согласно оккультным представлениям, человек является микрокосмическим подобием Вселенной, так же и Белый полагает, что образу, воплощенному через звук и ритм в поэтическом тексте, в перевернутом мире духовных сущностей соответствует подобие в виде единого звука. Звук является темой произведения, задает его ритм и является единственно истинным критерием воплощения смысла. ⁵⁵ Такое представление о божественной природе звука появляется в работах Белого последовательно – от «Жезла Аарона», через работу над аллитерациями в поэзии Александра Блока ⁵⁶ – к «Глоссолалии». Концепция Белого в основе своей обращена к этапам медитативного самопознания Штайнера: имажинация – инспирация – интуиция.

Интересно, что в лекциях Иванова мы также встречаем «триаду» процессов творчества: а) *Начальная стадия: звуковое волнение, связанное с глоссолалией;* б) *Промежуточная романтическая стадия: появление образов <...> Образы неопределенные, плавающие, - «вследствие неполной просвеченности материала логическим творчеством».* в) *«все бессознательное заменяется сознательным».* ⁵⁷ Однако здесь этапы воплощения смысла в поэтическом тексте совпадают с рождением образа (как она представлена у Белого) лишь в первой своей стадии – «глоссолалического» волнения. Соотнесение теории творчества Вячеслава Иванова и Андрея Белого – тема отдельного исследования и не

⁵⁴ В берлинском издании 1922 г. по всему тексту написание глоссолалии через «А»: «Глоссалалия». Однако это можно расценивать как опечатку. Даря книгу Вадиму Андрееву, Белый сказал: «Не надо «Глоссалолия», как напечатано, а «Глоссолалия», - и «сделал на обложке книги корректурные поправки» (Андреев Вадим. Из повести «Возвращение в жизнь» // Воспоминания об Андрее Белом. М., 1995. С. 298 . Благодарю Е.А. Семенову за указание на данную ссылку.

⁵⁵ Глухова Е.В. Александр Блок в стиховедческих студиях Андрея Белого (по материалам неопубликованных рисунков к «Глоссолалии»).// Доклад на конференции, посвященной 120-летию Александра Блока. Шахматово, ноябрь 2005. См. также о визуализации звука и образа в теоретических разработках А. Белого: Торшилов Д.О. Зрительное в языке: методы анализа визуального ряда произведений литературы в работах А. Белого 1916-1934 гг.// Труды Русской антропологической школы. М., 2005.

⁵⁶ О работе над поэзией Блока как этапе замысла к «Глоссолалии» см.: Глухова Е.В. Статья Андрея Белого об аллитерациях в поэзии Блока// Труды русской антропологической школы. Вып. 2. М., 2004.

⁵⁷ Эткинд Ефим. Вячеслав Иванов и вопросы поэтики... С.144.

входит в задачи данной статьи, тем не менее, некоторые аспекты взаимодействия нам кажутся вполне очевидными. Например, в статье «Новейшие искания...» Иванов подверг критике теорию Белого, изложенную в «Жезле Аарона»: *«Искание духовно-конкретного смысла приводит его к требованию логического всеосмысления<...>. Все это вызывает в нас настороженность и колеблет наше доверие к правоте предносящегося автору идеала грядущей «инспиративной» поэзии».*⁵⁸ – Трудно сказать, что Иванов подразумевает здесь под «инспиративной» поэзией, но можно осторожно проинтерпретировать, опираясь на некоторые положения «Жезла Аарона»: триада «звук-ритм-образ» у Белого, по всей видимости, имеет соответствие в виде уже упоминавшегося этапа медитативного познания: ритм имеет соответствие в инспирации. По замечанию современного исследователя: «Белый не был уверен, сумел ли он перейти от имагинации к следующей ступени обучения – инспирации, но именно с ней связывал во время работы над ЖА живопись звуков (*«инспирация есть рождение внутренних снов в внешний звук»* – ЖА; или из программ лекций: *«инспирация: мысле-звуки»; «инспирация: и мир мысленных звуков»*)).⁵⁹ Таким образом, ивановская критика «инспиративной» поэзии скорее всего есть критика теории ритмического жеста Белого. Проблема соотношения ритма и метра, ритмического жеста стихотворения - возникает в беседах Иванова и Альтмана уже в первой записи 1921 г. - как раз в ракурсе концепции ритмического жеста А. Белого: *«В теории Брюсова нет вовсе ритмики, у Белого за ритмику принимается каждый ритмический жест. <...> Но жест – переменное данное, ритм же – постоянное. <...> Андрей Белый же, приняв ритмический жест за ритм, теперь пытается и прозу писать размерно, что ошибочно.»*⁶⁰

В записях Иванова к лекции Белого значительное сомнение вызывает последний рисунок, явственно антропософского (и – шире – оккультно-мистического) свойства.⁶¹

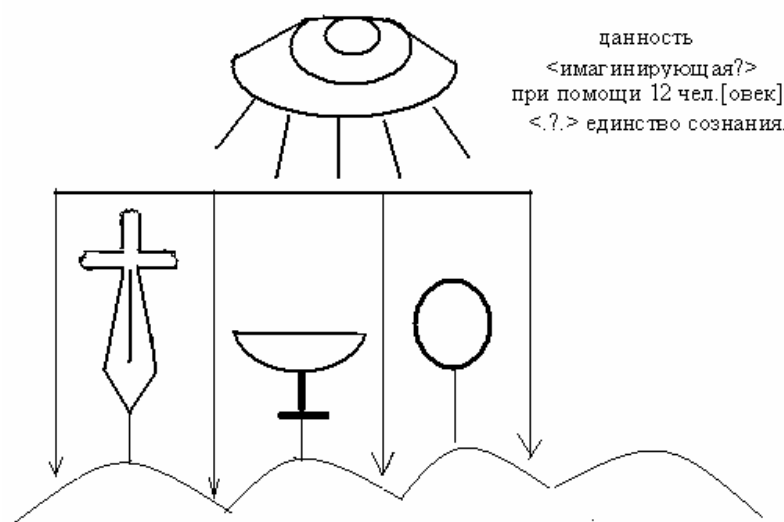
---

⁵⁸ Иванов Вяч. Собр. Соч. Т. 4. С. 638.

⁵⁹ О визуализации звука и образа в теоретических разработках А. Белого см.: Торшилов Д.О. Зрительное в языке...

⁶⁰ Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 18. В работе «О новейших исканиях в области художественного слова» (1922). Иванов критиковал идею Белого о «противоположении поэзии прозе с точки зрения ритмической». В рамках курса по стиховедению в Пролеткульте Белым была также прочитана лекция на тему: «Строка: поэзия и ритм прозы» (см. прим. выше) - думается, что Иванов в своих беседах с Альтманом мог иметь в виду и устные выступления Белого (указанная статья его вышла годом позже).

⁶¹ Рисунок сильно увеличен в размере.; размер оригинала не превышает 2 на 1,5 см.

По нашему предположению, рисунок может быть истолкован в стиле антропософских рисунков-схем Белого этого периода – «волны» можно расценивать как определенный этап, отрезок пути, а, поскольку среди символов имеются меч, чаша и круг, то можно предположить, что речь идет об эзотерическом пути рыцарей Грааля⁶². Вполне возможно, что сделанный рукой Иванова рисунок - итог их последующей беседы. Иванов, конечно же, был вполне осведомлен о некоторых особенностях пути антропософского посвящения, и вполне мог «увидеть» то, что не прозвучало в самой лекции.⁶³

⁶² О соотношении антропософии с рыцарями Св. Грааля и о значении этого символа в культурологических и филологических построениях А. Белого см.: Глухова Е.В. Неопубликованные рисунки Андрея Белого к «Глоссолалии»: Чаша Св. Грааля// Труды Русской антропологической школы. М.: РГГУ, 2005.

⁶³ До 1910 г. идеи Штайнера Иванову транслировала Минцлова, этой проблематики касаются работы: Богомолов Н.А. Anna-Rudolph// Богомолов Н.А. Русская литература начала XX века и оккультизм. – М., 1999; Обатнин Г. Иванов-мистик (Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907-1919)). М., 2000.